
АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

ПРОРОК И ГЕШЕФТМАХЕРЫ

Будущий год объявлен в России и на Украине Годом Николая Васильевича Гоголя – в связи с 200-летием со дня рождения великого писателя. На финишную прямую подготовка к юбилею выйдет 1 апреля 2008 года. И российская, и украинская сторона уделили на этот раз особое внимание экранизациям и постановкам повести Гоголя “Тарас Бульба”, чего раньше не наблюдалось.

Осенью 2006 года бывший министр культуры Украины Юрий Богуцкий на встрече с главой российского ФАККа М. Швыдким заявил, “что к 200-летию юбилею Гоголя украинский режиссер Владимир Бортко уже снимает фильм “Тарас Бульба”. О реакции г-на Швыдкого не сообщалось, но почему это вдруг российский гражданин (и член Российской компартии) Владимир Бортко стал украинским режиссером? Только потому, что когда-то жил в Киеве? Или, быть может, Богуцкий таким образом хотел сказать, что фильм режиссеру заказали украинцы? Нет, Бортко, насколько мне известно, снимает по заказу Российского телевидения. Так что же получается: Богуцкий на встрече со Швыдким выдавал российский проект за украинский?

Но не исключено, что бывший министр бесславно сгинувшего “правительства народного единства” просто был “не в теме” и перепутал “Тараса” Бортко с другим “Тарасом”, вроде бы действительно украинским, но снимать который будет тоже российский режиссер – Владимир Хотиненко. Причем телеверсию последнего фильма обещали показать еще осенью минувшего года. По этому поводу обозреватель “Российской газеты” П. Басинский презабавно спрашивал с интонациями В. И. Ленина: “Как собираются создатели фильма экранизировать сцены еврейских погромов? Что делать с отчетливо антипольским настроением этой вещи?” Действительно – что же делать? Придется вырезать, не иначе... Только в этом смысле Басинский, по-моему, напрасно беспокоится за Хотиненко и сценариста Володарского. Уж они-то прекрасно справятся со всеми этими “фобиями”, истребив их на корню. Будут у них козаки неизвестно зачем рубиться с ляхами, а Андрий любить свою панночку – вот и всё. Другое дело Бортко: тот, по-видимому, работает добросовестно, и информация об этом просочилась в СМИ. Сразу же заняли на разные лады адепты “политкорректности”: что же, герои фильма так и будут говорить, как написано у Гоголя? А крымские татары не позволили снимать Бортко эпизод с невольничьим рынком в Бахчисарае.

Но больше всего меня поразило сообщение о том, что в канун торжеств киевская Национальная опера обещает поставить мюзикл “Тарас Бульба”. Это уже, что называется, “от души”. Однако что же происходит в связи с 200-летием Гоголя у нас? С удивлением мы обнаружим, что почти ничего. По-прежнему не решен вопрос об организации мемориального музея в последней московской квартире Гоголя – на Никитском бульваре, в доме 7а, и переносе праха Гоголя с Новодевичьего кладбища в место первоначального захоронения – некрополь Даниловского монастыря. Говорится о каких-то юбилейных “совместных проектах с Украиной, странами СНГ и Балтии”. Плюс фильм

Бортко – и это всё... Инициатива явно принадлежит украинцам! Например, они планируют выпуск собрания сочинений Гоголя в семи томах на русском и украинском языках.

Посмотрим, что получится у Бортко и Хотиненко в конечном итоге, но само по себе внимание кинорежиссеров и театральных постановщиков к “Тарасу Бульбе” – явление отрадное, даже непривычное. Есть в этой повести особая, глубинная, эпическая мощь, которую мы найдем у Гоголя еще разве что в “Страшной мести”. Случайно, что ли, в Польше “Тарас” переводился всего два раза – в 1850-м и 2002 году? Причем издание 1850 г., по признанию Януша Тазбира (“Новая Польша”, № 5, 2002), невозможно отыскать ни в одной польской библиотеке, включая крупнейшие. Между тем в Западной Европе, столь обожаемой поляками, повесть “Тарас Бульба” считается одним из лучших произведений Гоголя, и она там не только сотни раз переиздана, но и несколько раз экранизирована, правда, под другими названиями. Кроме того, никакая другая вещь Гоголя не утверждает столь ярко единство русского и украинского народов, а лишний раз напомнить об этом в условиях возвратной эпидемии “оранжевой чумы” на Украине, согласитесь, бесполезно.

Но тут я подумал: а какой перевод “Тараса Бульбы” на украинский язык будет использован в двуязычном собрании сочинений Гоголя, в мюзикле киевской Национальной оперы и фильме Хотиненко? Неужели тот, анекдотично известный, где слово “русский” повсюду заменено на “украинский”?

Признаться, раньше я об этом переводе только слышал, но никогда его не видел. Тем не менее в существование этой чудовищной фальсификации я безоговорочно верил, потому что привык за годы “незалежности” Украины, что самые дикие слухи об украинских сепаратистах оказываются верными. Не могу судить, есть ли где на планете еще столь же фарсовый, опереточный национализм, – не исключено, что есть, но я с ним не знаком.

И вот я наконец стал обладателем украинского перевода “Тараса Бульбы”: “Микола Гоголь. Тарас Бульба. – Переклад з російської. Видавництво Івана Малковича “А-ба-ба-га-ла-ма-га”. Київ, 1998”. Он превзошел самые ужасные мои ожидания. И ведь что любопытно? Когда я в прошлом году опубликовал в “Литгазете” две статьи о Гоголе и украинском национализме, как завизжали тогда “свидомые украинцы” (Наенко, Бузинный и др.), что я, дескать, перевожу разговор из литературной плоскости в политическую! Теперь я понял, что попал в самую точку, оттого они и бесновались. Они-то знали, что в украинском переводе “Тараса Бульбы” *полностью отсутствуют* те цитаты из русского оригинала, которые я приводил в своих статьях.

Перед нами то, что на языке юристов называется подлогом.

* * *

Перевод имеет странный, путаный подзаголовок, который я затрудняюсь перевести на нормальный русский язык: “Редакция Ивана Малковича и Евгения Поповича на основе перевода Николая Садовского. Редакция перевода осуществлена над вторым, переделанным авторским изданием 1842 года с учетом первого авторского издания 1835 года”. Что означает эта галиматья? Если переводчику и редакторам нравилось переводить с издания 1842 г., они, стало быть, переводили с него, а когда не нравилось, то переводили с издания 1835 г.? Нет, всё обстоит гораздо хуже. На самом деле издание “Тараса” 1835 г. практически не использовалось в этом переводе. Он состоит, как и издание 1842 г., из XII глав. Заменен лишь последний абзац повести и включена в главу I одна переведенная фраза из издания 1835 г.: “Повсякчасна необхідність боронити узграниччя від трьох різнохарактерних націй надавала якогось вільного, широкого розмаху їхнім подвигам і виховала впертість духу”. У Гоголя в издании 1842 г. она отсутствует, вместо нее сказано: “Это было, точно, необыкновенное явление *русской* (здесь и далее курсив мой. – **А. В.**) силы: его вышибло из народной груди огниво бед”. Короче, сильнее, экспрессивнее. Что ж, и переводчик оставляет эту фразу, но с заменой одного слова: “Це був справді надзвичайний вияв *української* сили: його викресало з народних грудей кресало лиха”. Между прочим, в одном только этом абзаце из главы I еще три подобных “правки”! Вместо “вся южная первобытная Россия” “переведено”: “Україна, весь прадавній південь”, вместо “широкая,

разгульная замашка русской природы” – “широкий гуляцкий заміс української натури”, вместо “как только может один русский” – “як уміє тільки козак”. И ведь плохо переведено, бездарно, не говоря уже об остальном! “Викресало кресало”, масло масляное! “Народные груди”, тогда как речь идет о груди народа! “Заміс” вместо “замашки”! Господи, какая дешевая, наспех сляпанная графомания!

Язык Гоголя – чудесный сплав летучего, поэтического малороссийского говора XIX века и тогдашнего молодого, сочного, энергичного русского литературного языка: разве можно вообще его переводить на нынешний тяжело-весный, негибкий украинский? Автор “Livejournal” в интернете Межнин совершенно справедливо пишет по поводу напрасных усилий горе-переводчиков “Тараса”: “Как подступиться к этому необычному “изголуба-темному небу”?.. Тривиальное плоское “блакитно-темне небо” в версии нового перевода убедительно свидетельствует, что вдохновиться, вышагнуть из банальности этим переводчикам классика не дано...”.

В чем же заключалась так называемая “редактура” перевода Малковичем и Поповичем? Очевидно, в попытках несколько разнообразить манеру Садовского. Он “переводил” уж слишком бесхитростно: если сказано у Гоголя – “русский”, писал – “украинец”, если – “Русь”, то, соответственно, – “Украина”. Но ведь в “Тарасе Бульбе” (и в первом издании, и во втором) употребляется и понятие Русь, и понятие Украина! Иногда они соседствуют в одной фразе, как, например, в главе VIII: “с гетьманом и лучшими русскими втяжками на Украине” (не “в Украине”, заметьте, как поучают нас теперь в Киеве). “З гетьманом та найкращими лицарями українськими”, – не мудрствуя лукаво, выводит Садовский. И вот Иван Малкович, хозяин детского издательства “А-ба-ба-га-ла-ма-га” (какое издательство, такое и название), изобрел “ноу-хау”. Вместо неизменной “Украинской земли” у Садовского, заменившей гоголевскую “Русскую землю”, он стал применять понятие “Козацкая” и весьма этой глупостью гордится: “. . . между прочим, считаю это неплохой находкой” (киевская газета “День”, 1999, 11 августа).

Уже этих примеров довольно, чтобы убедиться: перевод не только стилистически нехорош, но и как-то нечистоплотен морально. Хочется после него пойти руки помыть. Пошел, помыл (клянусь), но легче не стало. Чем-то непередаваемо гадким мазнули прямо в душу. И тут я понял, отчего мне так тяжело: тут не просто литературный шедевр искажен, тут великого Гоголя пытались низвести до того жалкого, постыдного миропонимания, что культивируется ныне творческой и политической “элитой” Украины.

Ведь кто такой Тарас Бульба? Может быть, один из самых величественных героев эпических героев мировой литературы. Выше Гильгамеша, выше Ахиллеса, выше Одиссея, выше Беовульфа, выше Зигфрида, выше Роланда. . . Он даже выше Григория Мелехова. Тарас тоньше, умнее, духовнее этих вождей, несмотря на свою тучность, показную грубость и не показную воинственность. В поход за веру, несмотря на “сухой” закон запорожцев во время войны, он взял с собой воз с баклагами и бочонками старого доброго вина из собственных погребов. “Взял он его про запас, на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута и будет всем предстоять дело, *достойное на передачу потомкам*, то чтобы всякому, до единого, козаку досталось выпить заповедного вина, *чтобы в великую минуту великое бы и чувство овладело человеком*. . . Знал Тарас, что как ни само по себе старое доброе вино и как ни способно оно укрепить дух человека, но если к нему присоединится приличное слово, то вдвое будет сила и вина и духа”.

Он сказал своим воинам *слово о славе* и добился того, чего хотел: “Не о корысти и военном прибытке теперь думали они, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружия, шитых кафтанов и черкесских коней; но загадалися они – как орлы, севшие на вершинах обрывистых, высоких гор. . . озирали они вокруг себя очами все поле и *чернеющую вдали судьбу свою*”.

Но прозревали они личную судьбу, а для Тараса было важно, чтобы они и перед лицом смерти почувствовали святую воинскую общность. И он говорит козакам “золотое слово” о *русском товариществе*. “Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей”. Садовский-Малкович-Попович “корректируют”: “Бывали й по інших землях товариства, а такого, як на *нашій землі*, не було ніде”.

Тарас: “Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извальялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица *русского* чувства”. Садовский-Малкович-Попович: “Але навіть в останнього падлюки, хоч би який він був, хоч би весь запаскуджений у сажі й низькопоклонстві, є й у того, братове, хоч крихта почуття до свого *рідного*”. (Пытались ли они хотя бы прочитывать вслух то, что перевели?)

Тарас: “Пусть же знают они все, что такое значит в *Русской* земле товарищество. Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!..” Садовский-Малкович-Попович: “Хай же знают вони всі, що означає в *нашій* землі товариство! Бо коли вже так станеться, що нам доведеться вмерти, то ніхто ж так не здолає вмерти, як ми, ніхто!”

Бульба готовит своих воинов к тому, что многим из них придется умереть, и не за абстрактную *нашу* землю — просто за “нашу землю” не умирают, тем более что запорожцы были уроженцами многих земель; и не за Украину, потому что этих украин-окраин было тогда неслучайно, в том числе в составе Московской Руси, — а за *Русскую* землю. И говорит он о крупице *русского* чувства, а не о “крупнице чувства своего родного”, ибо “свое родное” — обязательно высокое национальное чувство. Это может быть и интимное чувство, и даже корыстное. А может, и подлое, — разве для подлецов оно не родное?

Между тем в великую минуту великое и чувство должно овладевать человеком. Гоголь не просто в 1842 г. переработал “Тараса Бульбу”. Совершенно очевидно, что он основательно изучил опыт мировых эпосов, прежде всего “Илиады” и “Одиссеи”. Герои его отправляются прямо в бессмертие. Там “не погибнет ни одно великодушное дело, и не пропадет, как малая порошокина с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист с седою по грудь бороною, а может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них”. А ведь так оно и вышло! Докатилось до Гоголя эхо славы “лучших русских витязей на Украине”, и сказал он про них свое густое, могучее слово.

Глава IX “Тараса” — одна из замечательнейших в мировой литературе. Перед нами чередой проходят великие герои, в которых вдохнул славу бессмертный Тарас. Они выступают на врага, но перед тем как сверкнуть сабле в их руке, мы видим историю их жизни. Это их последний парад, их героическое житие. При этом ритм описания битвы под Дубно совершенно не нарушен. Как это у Гоголя получилось, я до сих пор не понимаю. Полагаю, им руководило какое-то абсолютное, сверхчеловеческое вдохновение.

У каждого героя “Илиады” свой бог, свой верховный опекун, война идет на земле и в небесах, а “лицарей русской славы” на небесах ждет один Покровитель, один Бог, Распятый на Кресте при Понтийском Пилате. Он принимает их бессмертные души. Вот Мосий Шило: “Упал он, положил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам: “Прощайте, паны-братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная *Русская* земля и будет ей вечная честь!”

Садовский-Малкович-Попович “опускают планку”: “Хай же вічно стоїть православна Земля *Козацька* і хай буде вічна їй честь!” На этот раз даже можно точно назвать автора подмены — Малкович. Напомню, он признался газете “День”, что Садовский вместо “Русской земли” вписывал “Українську”.

... Степана Гуску подняли на четыре копыя. “Только и успел сказать бедняк: “Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки *Русская* земля!”

Садовский-Малкович-Попович: “Хай же згинуть вороги і лишається на віки вічні *Козацька* Земля!”

... Пуля настигла Касьяна Бовдюга: “Не жаль расстаться со светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века *Русская* земля!” И понеслась к вышнякам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на *Русской* земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за Святую Веру”.

Садовский-Малкович-Попович: “Хай же славна буде довіку *Козацька* Земля! і полинула у високості Бовдюгова душа, щоб розповісти там старим товаришам, що давно одійшли на той світ, як уміють битися в землі *українській*, а ще краще, як уміють умирати за святу віру”. Тут мы видим вместо одной *Русской* земли даже две — “Козацьку” и “українську”, что, между прочим, отнюдь

не одно и то же. А святых старцев Садовский-Малкович-Попович позорно перевели как “старых товарищей”.

... Три смертельные раны достались куренному атаману Балабану: “Пусть же цветет вечно Русская земля!..” – тихо сказал он.

Садовский-Малкович-Попович: “Хай же вічно цвіте Козацька Земля!..”

... Копье пронзило сердце молодого куренного атамана Кукубенко. “Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: “Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!”

Садовский-Малкович-Попович: “Хай же після нас живуть іще кращі, ніж ми, і хай красується вічно люба Христові Козацька Земля!..”. Тут, я думаю, даже Садовский, давно уже лежащий в могиле, с Малковичем бы не согласился. Что это такое – “вечно любимая Христом Козацкая земля”? Новая каноническая территория? Украинская в ту пору называлась “Митрополия Киевская и всея Руси”. Была даже отдельная православная митрополия в Крыму – Готская. А вот “Козацкая митрополия” нам неизвестна. Однако Малковича заиклило на “Козацкой земле”, как прежде Садовского – на “Украинской”. Он даже не обращает внимания, что у Гоголя наряду с “русским” вполне хватает “козацкого” – “козацкая слава”, “козацкая доблесть” и т. п.

Неужели они “переводили”, “редактировали”, не вчитываясь в этот паразитический текст? Возлились, не поднимая голов, как жуликоватые стряпчие, со своими жалкими переименованиями на фоне возвышенного, потрясающего душу эпоса: “И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. “Садись, Кукубенко, одесную Меня! – скажет ему Христос, – ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и берегал Мою Церковь”. Люди у Гоголя умирают за товарищей, за честь, за Веру, а бессовестные литературные гешефтмахеры подчищают их предсмертные слова. . .

Какому товариществу не изменил Кукубенко? Козацкому? Украинскому? Нет, русскому. Козацкое товарищество мы видели в начале повести, при описании Сечи. Это замечательная воинская корпорация со своей этикой. Однако корпоративная этика есть даже у уголовников. У них тоже не принято “выдавать” своих. “Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя, – говорил Бульба козакам. – Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей”. Русское товарищество у Гоголя выше козацкого, выше украинского, выше любого другого, кроме, может быть, монашеского. В нем для героев повести совмещаются земля и небеса, Бог и Родина. Это просветленное духовное состояние сражающихся за Веру воинов: из рядов русского товарищества Господь берет павших героев прямо на небо и сажает одесную Себя. А Сечь, Украина, Белая Русь, Московская Русь – лишь физические и духовные сегменты русского товарищества, входящие в него, как курени и полки в козацкое войско.

Это “русское море” (не российское, а именно русское), о котором сказал Пушкин в гениальном стихотворении “Клеветникам России”: “Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? Вот вопрос”.

Поэтому предсмертное слово Тараса является концентрированным выражением всех последних слов павших русских героев, квинтэссенцией идеи повести: “Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху. – Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Пойдите же, придет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..”

Здесь гешефтмахеры столкнулись с непреодолимой трудностью. Просто поменять “русское” на “украинское” или “козацкое”, как во все прошлые разы, уже не получалось. Ну что это такое: “православная украинская вера”? Или “православная козацкая вера”? А как сказать: “Подымается из Украинской (или Козацкой) земли свой царь”? Тут любой “свидомый украинец” репу зачесет. И нечистая троица решила проблему просто. Вот в каком виде появился в их “перевод” последний монолог Тараса:

“– Прощайте, товариство! – гукав він їм згори. – Згадуйте мене і на ту весну знову сюди прибувайте та гарненько погуляйте!.. А що, взяли, чортів ляхи? Думаєте, є що-небудь на світі, чого б злякався козак!..”

И всё.

Какая мерзость!

Каждый участник этой “банды трех” так или иначе причастен к литературе. Ну, пусть они графоманы, но неужели не могли понять простой вещи, что последнее слово Тараса в таком виде – это какое-то “завещание батьки Махно”? “На ту весну знову сюди прибувайте”, “гарненько погуляйте”... Это всё, что хотел сказать своим братьям перед смертью Тарас?

Следующий абзац: “А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!” Гешефтмахиры не оригинальны: “Та хіба знайдуться у світі такі вогні й муки, така сила, що перемогла б козацьку силу?..” Они хотя бы посмотрели, что у них “переведено” двумя строчками выше (“Думаєте, є що-небудь на світі, чого б злякався козак!..”)! Снова масло масляное? Они, очевидно, полагают, что художественные тексты можно механически сокращать и править без всяких последствий!

Напоследок фальсификаторы зачем-то заменили финальный абзац издания 1842 г., где есть метафора, связанная, как считают многие гоголеведы, с самим автором бессмертной повести: “блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несется по нем”. На юридическом языке это называется попыткой скрыть следы преступления. Дескать: видите, мы учитываем издание 1835 г., как и обещано в подзаголовке!

Когда порядочные люди поймали Малковича за руку, он предложил такое объяснение подлогу: “...вторая редакция 1842 года, несмотря на вообще-то более высокую художественность, является, по-моему, примером начала Великой Конъюнктуры в украинской литературе”. По себе, бездарь, судит! Конъюнктурой в хорошем смысле, если угодно, можно назвать “Вечера на хуторе близ Диканьки”. Тогда в литературной моде был введенный Проспером Мериমে “местный колорит”. “Вечера” явились как нельзя кстати. Никого в Петербурге и Москве не коробили рассыпанные по этим повестям насмешливые характеристики “москалей”, – напротив, все хохотали до упаду, включая царя. Тот же эффект мы наблюдаем, когда эстрадный юморист высмеивает человеческие типы, представители коих находятся в зале. “Просвещенная публика” ждала от Гоголя новых вещей именно в духе “Вечеров”, чему яркое подтверждение переписка Гоголя. Ему выгодно было эксплуатировать и дальше “местный колорит”, щекотать как “кацапов”, так и “хохлов” солеными шутками в их адрес. Но он уже вырос из такой прозы, чувствовал в себе иную силу. Не соображения конъюнктуры Гоголя волновали, а необходимость как писателю подняться на новую ступень. И это, между прочим, было ему нелегко: из-за искрометных, но уж слишком насыщенных “страшилками” и юмористическим деревенским колоритом “Вечеров” его долго не воспринимали всерьез. Говорили: “Ну что это – “Миргород”, “Петербургские повести”?. Зачем он полез в бытописание, в батальную прозу, в рассказы о чиновниках?”.

У меня перечислены далеко не все чудовищные искажения “Тараса Бульбы” издания 1842 г., допущенные в “перевод” Садовского–Малковича–Поповича. Всего я их насчитал 25. Готов предоставить этот список нашим официальным лицам, которых во время юбилейных торжеств в Киеве пригласят на просмотр украинского фильма “Тарас Бульба” или одноименного мюзикла и которым будут дарить двуязычный семитомник Гоголя, изданный на Украине. Пусть они знают: присутствуя на этих премьерах, принимая эти “подарки”, они принимают оскорбления в адрес русской культуры и истории. Проверьте сначала, чей перевод “Тараса” напечатан в собрании сочинений и стал основой сценария и либретто. Маловероятно, что это будет другой, уж если за весь прошлый век был сделан лишь один – злополучный Садовского. Гоголя очень тяжело переводить на украинский язык. Известен лишь один более или менее приличный перевод – Максима Рыльского “Ночи перед Рождеством”, но Рыльский был мастер перевода, крупный поэт, академик, не чета нынешним украинским “перекладачам”.

* * *

Но кто же такие авторы “перевода”, эта нечистая троица, эти литературные мошенники – Садовский, Малкович, Попович? Я думаю, познакомиться с ними самими не менее важно, чем с плодами их несправедливых трудов. Это будет полезно, например, для истории литературы. А то некие загадочные, никому не известные лица, часто скрывающиеся под псевдонимами, навязывают обществу дискуссии об авторстве произведений классиков или просто поганят их память, а специалисты послушно начинают разбирать жизнь и творчество великих по косточкам – вместо того чтобы сначала разобраться: а что представляют собой авторы “версий” и “гипотез”?

Судьи кто?

Из переводчиков Гоголя на Украине известен только один Садовский – Николай Карпович (настоящая фамилия Тобилевич; 1856–1933). Это был довольно известный украинский актер в амплуа “героя-любownika” – здоровенный, пузатый “дядько” с висячими усами. В 1907 г. он создал первый стационарный театр с репертуаром на украинском языке – сначала в Полтаве, потом в Киеве. Осуществил перевод “Ревизора” Гоголя на украинский. В этом же спектакле играл Городничего. Тогда же, в начале прошлого века, по словам Малковича, он сделал свой бесславный, бездарный, справедливо забытый до конца века перевод “Тараса Бульбы”. С 1917 г. – украинский националист. В качестве главы Национального театра режиссировал опереточные отчеты петлюровской Директории перед народом (описаны Паустовским в “Повести о жизни”). В 1920 г. бежит вместе с поляками и петлюровцами в Галицию. Там, по-видимому, таланты Тобилевича никого не заинтересовали, и он бедствовал – в частности, не мог даже заплатить репетитору своего сына. В 1926 г. он покаялся и запросился домой; ему разрешили вернуться. Тобилевич снова стал играть в украинских театрах. В 1929 г. им заинтересовалось ГПУ. В запросе начальника Зиновьевского (Кировоградского) окружного отдела ГПУ Петровского от 6 сентября 1929 года в управления ГПУ Харькова и Днепропетровска о Николае Карповиче сообщается: “Садовский... является украинским шовинистом, принадлежит к правому течению украинской общественности, пользуется большим авторитетом в украинских кругах... Садовский Николай Карпович связан с петлюровской эмиграцией за границей и, вполне возможно, проводит на территории Украины контрреволюционную работу по поручению петлюровского центра в Польше”. В 1929 г. расстреливали и по менее тяжким обвинениям, однако Садовский-Тобилевич не был даже арестован, что позволяет с большой долей вероятности предположить, что он нашел общий язык с ГПУ.

Теперь – кто такой Иван Малкович? Выходец с Ивано-Франковщины, 1961 г. рождения. Внешне совсем не похож на украинца, судя по многочисленным фотопортретам, помещенным им самим в интернете. Я бы даже сказал, что это немолодой еврей. Отчества его мне обнаружить так и не удалось. В детстве и юности он, конечно, учился играть на скрипке. Но безуспешно. Потом взялся за стихи для детей и поэтические переводы с русского языка на украинский. Лавров тоже не снискал. И это не удивительно. Вот отрывок из его перевода “Рассеянного” Самуила Маршака:

*Жив собі роззява –
ліві двері – справа.
Зранку він хутенько встав –
піджака вдягати став:
шуть руками в рукави –
з’ясувалось, то штани.
Отакий роззява – ліві справа...
Поспішаючи в дорогу,
рукавички взув на ногу.
Ну, а замість капелюха
натягнув відро на вуха!..*

Ну, ладно, утратил Малкович маршаковский “бренд” – “улицу Бассейную”, но что такое, объясните мне, “ліві двері – справа”? Речь идет о двустворчатых дверях? Но устройство их таково, что, перепутав левую дверь с пра-

вой, их невозможно повесить, даже с большого бодуна. Те, кто когда-нибудь занимался строительством или ремонтом, знают, что чаще всего путают не двери, а левые и правые петли. Но и в этом случае можно повесить лишь одну дверь. Стало быть, у “роззявы” Малковича не “левые двери – справа”, а вообще не должно быть дверей.

Нет никаких сомнений, что организатор грязной провокации с “переводом” “Тараса Бульбы” – типичный, абсолютно беспросветный халтурщик и графоман. В украинской литературе, и так не очень богатой на таланты, он никто, пустое место. Этот мизерабль, кстати, убежден, что действие “Тараса Бульбы” происходит в XV веке: дескать, “Гоголь... сам пишет, Бульба был сыном “трудного XV века”. Во-первых, Гоголь пишет, что у Бульбы был характер человека тяжелого XV века, а во-вторых, все исторические лица, действующие в “Тарасе” – сам гетман Тарас, прототип Бульбы, гетман Острица, гетман Гуня, киевский воевода Адам Кисель, коронный гетман Николай Потоцкий, – жили в первой половине XVII века. А Брестская уния, о которой так много говорится в повести, произошла в 1596 году.

Как многие графоманы, с 1991 г. Малкович ударился в издательское дело. Что же он издает, кроме ископанного “Тараса Бульбы”? “Гарри Поттера” на украинском, конечно. Папа Римский, дескать, разрешил. А еще он издал одним экземпляром украинскую азбуку весом в 250 кг – очевидно, исключительно для Книги рекордов Гиннеса. Но любой графоман из бывшей черты оседлости тайне страстно мечтает об успехе в ненавидимой Москве. Вот и Малкович: хочет иметь здесь “небольшой офис” и продавать изданные по-русски книги (свои, естественно) – но “без права продажи на Украине”. “Иначе будет перечеркнутым дело всей моей жизни”, – выпендренно заявляет он. Врет, конечно, как сивый мерин, – не откажется и от продажи на Украине, если будут покупать. Но покупать никто не будет: объявленная на нашем интернет-маркете цена книги Малковича “Лиза и ее сны” в 28 стр. – 408 рублей! Наш герой, очевидно, полагает, что в Москве живут одни олигархи, а улицы вымощены золотыми слитками. “Свидомые украинцы”, судя по всему, относятся к нему презрительно-благодарно, но своим не признают, и он вынужден перед ними разбиваться в лепешку, изображая национал-патриота. Вот что, например, можно услышать от полного тезки Джона Малковича: “Скажем, Илья Муромец, он украинский герой, родом из Сумщины – об этом пишут многие ученые”. Малковичу следовало бы сказать не “ученые”, а “вчѣные” – на манер героя фильма “За двумя зайцами”: “Есть люди, которые вчѣные, а есть, которые невчѣные...”. Украинских “вчѣных” интересно, конечно, “послушать”: по их мнению, Иисус Христос – тоже украинец. Но, в отличие от них, “украинский патриотизм” Малковича имеет вполне определенные границы. Насладитесь его афоризмом: “Глубина любви к родине не должна превышать глубину моего кармана”.

И, наконец, Евгений Попович. Это самая загадочная фигура из всей троицы. 1930 г. рождения, “шестидесятник”. Умер в прошлом году в возрасте 77 лет. В отличие от Садовского и Малковича, он был профессиональным литературным переводчиком. Переводил главным образом с немецкого языка на украинский, и всё неплохие книги – например, “Игру в бисер” Гессе. Переводов Поповича я не читал, но не думаю, что он работал плохо – иначе в советское время переводить серьезных писателей ему бы не дали. Тем поразительней, что, будучи одним из редакторов “перевода” Садовского, он пропускал такие непростительные плюхи: “викресало кресало”, “з народных грудей”, “заміс” вместо “замашки”, “старим товаришам” вместо “старцам”... Может быть, пил? Или бедствовал, а Малкович решил использовать имя профессионального переводчика в выходных данных – и предложил ему подработать, но не совать нос в сам “перевод”? Или Попович, увидев, какого рода текст перед ним, махнул рукой, потому что редактировать не имело смысла, а следовало переводить заново? А может, пришел к неизбежному для настоящего переводчика выводу, что Гоголь не нуждается в украинском переводе, стало быть, не стоит и стараться? При этом нельзя исключить возможности, что Попович был ничуть не лучше Садовского-Тобилевича и Малковича и отнесся к “проекту” цинично и равнодушно. Одно могу сказать точно: участие в “переводе” “Тараса” славы Поповичу не принесло – в его некрологе среди других работ “Тарас Бульба” не упомянут. Ну и довольно о нем: он вместе с Тобилевичем держит ответ за свое прегрешение в другом месте – если не перед Гоголем, то перед Господом наверняка.

Но какое характерное содружество, прошу обратить внимание! Украинский националист “первой волны”, “шестидесятник” и литературный делец в маске националиста “третьей волны”... Прав был Толстой: дурные люди безошибочно находят друг друга. Причем находят они друг друга на всём пространстве Украины. Тобилевич, Малкович, Попович “объединились” не случайно, подобным образом незримо объединяются сейчас миллионы безнравственных людей. Крайне любопытно другое – тема, их объединившая. Это поэма Гоголя о тех, кто высшее свое предназначение видел в том, чтобы умереть со славой за Православную Веру, за Русскую землю, за русское товарищество. В “Тарасе Бульбе” воплотилось видение Гоголем исторического и духовного пути украинской ветви русского народа, которое он хотел высказать в неосуществленной “Истории Малороссии”. Он говорит, что к единству шла не только Русь на Востоке, но и Русь на Юге – и тоже в огне и сражениях. Мы двигались, одолевая полчища врагов, навстречу друг другу – Русь Великая, Русь Малая, Русь Белая – и соединились. Кровь, пролитая нашими предками за это, – завет потомкам. Никто его не отменял из-за того, что произошло в Беловежской пушце. Беловежские пушчи были и прежде. Была в 1596 году Брестская уния, был в 1918 году Брестский мир, отрезавший Украину от России. Мы не видим в “Тарасе Бульбе” других предателей, кроме Андрия, но знаем о них со слов Тараса: “свой со своим не хочет говорить; свой своего продает”. За что в первую очередь Господь у Гоголя посадил Кукубенко одесную Себя? За то, что он “не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека” – и лишь потом за то, что “хранил и сберегал Мою Церковь”. Ибо если бы молодой Кукубенко изменял, малодушничал, подличал, то не смог бы и стать и защитником Церкви.

В 1991 году предатели победили, но нам остался завет украинского народа, гениально воплощенный Гоголем. И разве не показательно то, что его взялись переделывать на языке поработенных Габсбургами галичан предатели из трех разных эпох? Это всё равно что Иуда взялся бы переписывать Новый завет, Смердяков – “Братьев Карамазовых”... Смердяковы – как литературные, так и политические – не предлагают украинскому народу ничего нового со времен, описанных в “Тарасе Бульбе”. Измени товариществу, сделай бесчестное дело, выдай в беде человека, отвернись от Православной Церкви... Предай завет Гоголя. Украинцев ведут на тот же майдан позора, что и сербов. Тем уже прямо говорят (не кому-то из марионеточных правителей конкретно, а всему народу): выдajte Караджича и Младича, откажитесь от колыбели своего Православия – Косово, и мы рассмотрим ваше заявление о приеме в Евросоюз и даже позволим подать вам просьбу о вступлении в НАТО, которое вас так здорово (согласитесь!) бомбило.

Предайте, предайте, и воздастся вам! – кричат со всех сторон славянам. И предают, и получают воздаяние – право чистить канализационные трубы в гигиеничной Западной Европе.

Но всё уже, повторяю, в истории было.

Януш Тазбир писал в журнале “Новая Польша” (№ 5, 2002), что в конце мая – начале июня 1943 года в оккупированном немцами Львове украинские националисты устроили “суд над Гоголем”. Они обвиняли его в том, что “Тарас Бульба” – это “оскорбительный памфлет на Украину”, и автор его – отнюдь не гений, а “подлый ренегат”, “паук, который высосал кровь из своей Украины для москалей”. Всё его творчество, считали обвинители, – “изображение Украины в кривом зеркале”.

Ну что ж? Такая судьба ждет Гоголя и “Тараса Бульбу” и в нынешней Украине. Перевод “банды трех” – это лишь первый звонок. Сказано же в “Тарасе”: “если свой продаст веру и пристанет к угнетателям, то тяжелей и горше быть под его рукой, чем под всяким другим нехристом”.

Но что любопытно? Ну, осудили бандеровцы Гоголя, заклеили “Тараса Бульбу” – и можно, казалось бы, забыть. Однако вспомнили. И даже очень скоро. Началась украино-польская резня, во многом спровоцированная немцами для ослабления партизанского движения с обеих сторон. Так вот, отряд УПА, выдвинувшийся на территорию Польши, в район Кракова, носил название “Бульбовцы”, а командир его, Максим Боровец, имел псевдоним Тарас Бульба!

О чем это говорит? Это говорит о том, что не может человек, даже наймит, жить в позоре, а умирать – тем более. Пролить свою и чужую кровь,

втайне осознавая, что ты лишь игрушка в руках оккупантов – тяжело. Нужно как-то поднимать дух бойцов УПА, а как? Народного воинского эпоса у украинцев нет, есть только песни времен борьбы за освобождение с Польшей, но одними песнями в деле пропаганды не обойдешься, нужна идея, образ *борьбы*. И тут-то вспомнился заклеенный “всей громадой” навеки “Тарас Бульба”! Недолго держался приговор! И пусть не на тех знаменах было написано имя Тараса, но вычеркнуть его просто так из памяти народа не удалось. А это значит, что не удастся вычеркнуть и идеи “Тараса Бульбы”.

Ведь даже у последнего подлюки, как говаривал Тарас, “есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело”.

Лишь бы не было поздно.